

Вишневская Елена Николаевна, к.э.н., доцент
Донецкий национальный технический университет, г. Донецк

Гурнак Александр Владимирович, к.э.н., доцент
Донецкий национальный технический университет, г. Донецк

ИССЛЕДОВАНИЯ ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ НАЛОГОВЫХ СИСТЕМ: НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ, ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ И ЭВОЛЮЦИОН- НАЯ ПАРАДИГМЫ

Стремление бывших социалистических стран повысить эффективность хозяйствования за счёт перехода к рыночной экономике привело к формированию у них налоговых систем, напоминающих по составу и структуре налоговые системы развитых западных стран. Это произошло потому, что, во-первых, опыт ряда западных стран действительно заслуживал позитивной оценки, так как сложившиеся там налоговые системы создавали относительно надёжный финансовый фундамент для функционирования общественного сектора, не оказывая угнетающего воздействия на экономический рост. И, во-вторых, потому, что для формирования новых налоговых систем использовались универсальные рецепты мейнстрима – неоклассической экономической теории, включающей налоговые концепции экономики благосостояния и оптимального налогообложения.

Однако сейчас уже очевидно, что проведённые по неоклассическим шаблонам реформы общественных финансов не принесли ожидаемых результатов. Например, та налоговая система, которая имеется теперь в Украине и подводит итоги двадцатилетнего периода развития в условиях независимости, – это далеко не лучший вариант. По крайней мере вот уже несколько лет отчёты, публикуемые PricewaterhouseCoopers and the World Bank Group, относят налоговую систему Украины к числу наименее благоприятных для развития бизнеса: в об-

щемировом рейтинге из 183 стран она заняла в 2009 г. 180 место, 2010 – 181 и 2011 – 181 место¹.

Для того, чтобы изменить ситуацию к лучшему – хотя бы в перспективе – процессы развития налоговой системы следует регулировать. С этой целью важно исследовать не только текущие налоговые проблемы и уже сложившиеся рутины (то, что можно назвать анализом "внутри правил"), но и вопросы формирования долгосрочной стратегии, научного видения будущего налоговой системы, изучать закономерности изменения правил поведения экономических субъектов в пространстве и времени, их эволюции.

Такая постановка вопроса ставит на повестку дня применение институциональной и эволюционной методологии экономических исследований, последняя из которых быстро развивается в мире, но ещё мало используется в России и Украине для исследования налоговых проблем.

Традиционная методология научных исследований в сфере налогообложения – это неоклассическая теория экономики благосостояния, в которой постулаты методологического индивидуализма и рациональности выбора дополняются предпосылками о том, что:

(1) существуют чёткие представления о предпочтениях экономических субъектов, технологии и структуре рынка; предпочтения индивидов рассматриваются как тождественные, а в отдельных случаях – полностью идентичные; считается также, что технология производства товаров имеет постоянную отдачу от масштаба, а структура рынка соответствует состоянию совершенной конкуренции;

(2) используя ограниченное количество налоговых инструментов, правительство стремится обеспечить фиксированную величину государственных до-

---

¹ Paying Taxes 2009. The global picture. – PricewaterhouseCoopers and the World Bank Group, 2008 – 98 p.; Paying Taxes 2010. The global picture. – PricewaterhouseCoopers and the World Bank Group, 2009 – 115 p.; Paying Taxes 2011. The global picture. – PricewaterhouseCoopers and the World Bank Group, 2010. – 100 p.

ходов с минимальными потерями благосостояния, обусловленными налоговыми искажениями поведения экономических субъектов;

(3) не учитываются расходы, связанные с администрированием налогов; такое предположение носит конвенциональный характер и связано со значительной сложностью учёта взаимосвязи между налоговыми базами, ставками и административными расходами.

Особенностью построения концептуальных неоклассических моделей экономики является наличие единого критерия, который учитывает требования экономической эффективности и социальной справедливости. Математической формализацией этого критерия выступает функция общественного благосостояния (*social welfare function*). Считается, что общий уровень общественного благосостояния зависит от благосостояния каждого индивида в обществе, оцениваемую через полезность, которая, в свою очередь, определяется правилами налогообложения. Решение задачи о нахождении максимума функции общественного благосостояния при заданных ограничениях и должно давать информацию о том, какой должна быть оптимальная налоговая система.

Транзакционные издержки в неоклассическом мире либо отсутствуют вообще, либо присутствуют как несущественные "помехи", "шумы". А исходным пунктом теории является абстрактный экономический человек, действующий рационально в условиях полной информированности. Поэтому в популярных учебниках по общественным финансам обычно не анализируют конкретные особенности налоговых культур разных цивилизаций и стран, исторически сложившиеся в них традиции, организационные рутины и др., которые на практике оказывают существенное влияние на выбор целей и способы реализации налоговой политики.

Налоговый институционализм вводит в теорию конкретно-исторические аспекты экономики через представления о неполной рациональности и информированности экономических субъектов, их оппортунистическом поведении. Взаимоотношения между субъектами структурированы правилами (ограниче-

ниями) – сознательно созданными людьми и/или спонтанными². Институциональный мир, в отличие от неоклассического, – это такой универсум, в котором трансакционные издержки – это не просто некие "шумы", а один из ведущих факторов, определяющих развитие экономической системы. Поэтому, например, различия в эффективности экономик рядом расположенных стран (Южная Корея и Северная Корея, бывшие Западная и Восточная Германия и др.), непостижимые с позиций неоклассики, могут быть объяснены различиями в эффективности институтов³.

Например, S. Steinmo предложил объяснения различий в налоговых политиках США, Швеции и Великобритании на основе учёта специфики национальных экономических и политических институтов⁴. В другой работе (S. Steinmo, C. Tolbert⁵) показано влияние этих институтов на вариацию в величине налогового бремени на основе исследования данных 17 стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).

При этом для количественной оценки экономических институтов было предложено использовать индекс корпоративизма. Высокий уровень этого индекса в стране означает, что принятие решений в экономической политике происходит под сильным влиянием переговорных процессов между профсоюзами, организациями частного бизнеса и государством. Чем ниже уровень корпоративизма, тем меньшее влияние этих экономических институтов на политику. Что касается оценки политических институтов, то все они были распределены меж-

---

² Дементьев В. Что мы исследуем, когда исследуем институты? // Terra Economicus, 2009, Т. 7, № 1, с. 27.

³ Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ. – М.: АСТ:АСТ МОСКВА: CORPUS, 2010, с. 560.

⁴ Steinmo S. Taxation and democracy: Swedish, British, and American approaches to financing the modern state. – New Haven, CT: Yale University Press, 1993. – 280 p.

⁵ Steinmo S. Tolbert C. Do institutions really matter? Taxation in industrialized democracies // Comparative political studies, 1998, Vol. 31, № 2, pp. 165-187.

ду тремя группами по критерию доли мест, занимаемых в национальном законодательном органе доминирующей партией.

По результатам построенных эконометрических моделей было сделано несколько важных выводов⁶. В частности, связь между налоговым бременем и уровнем корпоративизма оказалась прямо пропорциональной – чем большее влияние на принятие решений органами власти имеют профсоюзы и другие экономические институты, тем выше уровень налоговой нагрузки. Влияние политических институтов на уровень налогового бремени имеет нелинейный характер. Так, самый высокий уровень налогового бремени связывается с ситуацией, когда количество мест доминирующей партии является довольно значительным, но меньше 50%. В этом случае для формирования правительства и реализации собственной политической программы такая партия должна образовывать с другой партией коалицию, которая имеет шансы быть достаточно стабильной. Это требует определённых уступок, связанных с увеличением государственных расходов, в которых заинтересованы миноритарные партнёры по коалиции, что, в свою очередь, приводит к необходимости увеличения налогового бремени. В случае, когда доля доминирующей партии в парламенте больше доли других партий, но является относительно малой, то такая партия также будет стремиться образовать коалицию. Однако эта коалиция будет нестабильной. Следовательно, вряд ли будут существовать стимулы к увеличению налогов, поскольку, если в ближайшем будущем коалиция распадётся, то все выгоды от принятия такого непопулярного решения получит следующая правящая партия. Относительно низкий уровень налогового бремени наблюдается и в том случае, когда вследствие действия национальных политических институтов доминирующая партия в парламенте занимает более половины мест. При таких обстоятельствах она может реализовывать собственную политическую и экономическую программу без формирования коалиции, а, следовательно, отсутствует необходимость увеличения налогов для удовлетворения потребностей

---

⁶ Steinmo S., Tolbert C. Do institutions really matter? Taxation in industrialized democracies // *Comparative Political Studies*, 1998, Vol. 31, № 2, pp. 183-184.

возможных политических партнёров. Более того, существуют стимулы к уменьшению уровня налогов с целью роста политической поддержки избирателей.

Если использовать этот подход и оценить уровень корпоративизма в Украине, то можно отметить, что для страны характерны относительно слабые профсоюзы, неорганизованный малый и средний бизнес, но сильные группы с особыми интересами, отражающие интересы крупного бизнеса. Такая структура экономических институтов в целом не способствует росту налогового бремени, но, может приводить (о чём свидетельствуют протесты представителей малого бизнеса в процессе разработки и принятия Налогового кодекса Украины) к существенным диспропорциям в его распределении. Касательно оценки влияния политических институтов можно отметить, что на сегодня самая большая фракция в Верховной Раде Украины – Партии регионов – имеет 193 места из 450, т.е. доля доминирующей партии составляет более 40%. Хотя это является наивысшим показателем за всю историю украинского парламентаризма, но все же ситуация такова, что требуется создание коалиции, что не способствует снижению налогового бремени.

В связи с такими противоречивыми тенденциями выявление доминирующих направлений развития украинской налоговой системы не является простой задачей и требует расширения научного инструментария за счёт обращения к понятиям "налоговая культура" и "налоговая мораль", которые, по своей сути, являются составляющими экономической ментальности – базового неформального экономического института национальных экономических систем.

Сама постановка вопроса о национальных и даже цивилизационных типах экономических систем⁷ означает, что неоклассическая экономическая парадигма, основанная на понимании людей, как универсальных "общечеловеков", которые действуют путём непрерывного вычисления и сопоставления выгод с

---

⁷ Вишневская Е.Н. К вопросу о классификации моделей экономических систем стран мира // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. Выпуск 39-1. – Донецк, ДонНТУ, 2011, с. 34-42.

издержками, постепенно теряет своё значение. Более того, указывая на важность генно-культурных аспектов проблематики, выходящих за рамки институциональной парадигмы, она выявляет границы последней. Как отмечает Дж. Даймонда "... сегодня растёт понимание того, что "институциональный" подход к проблеме недостаточен – не ошибочен, а именно недостаточен ... Нельзя просто поделить опыт работы эффективных институтов с бедными странами вроде Парагвая и Мали и ждать, что они применят полученные знания и по показателям ВВП на душу населения догонят Соединённые Штаты и Швейцарию. ... Эффективные институты – это не случайный параметр, который мог с равной вероятностью появиться у любого общества планеты, будь то Дания или Сомали. С моей точки зрения, эффективные институты всегда возникали как результат длинной цепочки исторических свершений – восхождения от исходных факторов географического характера к производным от них непосредственным факторам, среди которых есть и институциональные"⁸.

Эволюционная теория настроена критически прежде всего по отношению к статическому анализу экономики, который прослеживается как в неоклассической, так и в институциональной теории. В рамках эволюционного подхода основной характеристикой экономической реальности признается перманентность изменений. Изменения предстают не как краткосрочное явление, призванное восстановить равновесие, нарушенное под воздействием экзогенных факторов, а как постоянный и неотъемлемый признак функционирования экономических систем.

Хотя наличие перманентных изменений признается всеми экономистами-эволюционистами, но существуют определённые разногласия касательно объяснения их природы⁹. Первый подход базируется на представлении о том, что возникновение и дальнейшее развитие экономики является не чем иным, как

---

⁸ Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ. – М.: АСТ:АСТ МОСКВА: CORPUS, 2010. – С. 561.

⁹ Witt U. What is specific about evolutionary economics? // Journal of Evolutionary Economics, 2008, Vol. 18, № 5, pp. 550-551.

определённой стадией в процессе универсальной эволюции. Биологическая эволюция также является одной из стадий этого процесса, а, следовательно, отсутствуют принципиальные различия в понимании природы экономических и биологических изменений, или любых других изменений, обусловленных универсальной эволюцией.

Второй подход, который можно назвать дуалистическим, основывается на признании различной природы биологической и экономической эволюции. Вместе с этим, сторонники дуалистического подхода предполагают возможным использование метафор, а в отдельных ситуациях – точных аналогий механизмов биологической эволюции для объяснения эволюции экономической.

В любом случае эволюционная теория имеет свою сферу применения в экономической науке (scope conditions¹⁰) и привносит в научный анализ принципы географизма, биологизма и историзма. С позиций этой теории человек, имеющий врождённые и/или приобретённые склонности к эгоистическому или альтруистическому поведению, – это часть географически обособленной и самовоспроизводящейся популяции организмов, развитие которой определяется закономерностями генно-культурной коэволюции¹¹. Правила взаимодействия людей и созданных ими организаций не являются раз и навсегда заданными, но подвержены изменчивости, наследственности и отбору.

Механизмы изменчивости (формирования разнообразия), наследственности и отбора, которые впервые рассматривались в единстве в дарвиновском объяснении алгоритма эволюции живой природы, сегодня является неотъемлемой частью синтетической теории эволюционной биологии. Изменчивость признаков особей в пределах биологической популяции составляет исходный материал для эволюции. У некоторых особей случайно возникают новые признаки, обеспечивающие конкурентные преимущества в естественном отборе. Эти пре-

---

¹⁰ Вишневский В.П. Принципы налогообложения: обоснование и эмпирическая проверка // Экономика Украины, 2008, № 10, с. 55-72.

¹¹ Wilson D.S., Wilson E.O. Rethinking the Theoretical Foundation of Sociobiology // The Quarterly Review of Biology. – 2007. – Vol.82. – №4. – P. 327-348.

имущества заключаются в том, что единицы, которые ими обладают, оказываются более адаптированными к условиям среды, в результате чего имеют лучшие шансы для выживания и передачи своим потомкам в наследство тех случайных признаков, которые оказались полезными для них. С течением времени, первоначально случайный признак превращается в характерный, что и позволяет выделить отдельную популяцию и/или вид.

Дарвиновский алгоритм биологической эволюции можно представить в абстрактном виде и применять в различных науках, в том числе в экономической, что и позволяет говорить об "универсальном дарвинизме" ("generalized Darwinism"). Хотя методологические дискуссии о нём длятся на протяжении нескольких десятилетий, в целом универсальный дарвинизм рассматривается как наиболее перспективный метод эволюционной экономики¹². По этому поводу важно отметить, что дарвиновский алгоритм является пока единственным методом, который адекватно описывает эволюцию, если она рассматривается не просто как простые изменения во времени, а как процесс адаптивного усложнения. Обоснованием этому может служить рассмотрение эволюции гипотетических систем, в которых отсутствует один из механизмов дарвиновской триады¹³.

Если представить систему, которая содержит лишь механизмы отбора признаков и их наследование, но без механизма появления разнообразия, то с течением времени под влиянием отбора такая система превратится в совокупность однородных сущностей, её сложность уменьшится. Более того, в своём предельном состоянии она становится чрезвычайно уязвимой к появлению таких изменений в среде, к которым никакая единица не имеет адаптивных свойств.

---

¹² Aldrich H., Hodgson G., Hull D., Knudsen T., Mokyr J., Vanberg V. In defence of generalized Darwinism // *Journal of Evolutionary Economics*, 2008, Vol. 18, pp. 577-596.

¹³ Stoelhorst J.W. The explanatory logic and ontological commitments of generalized Darwinism // *Journal of Economic Methodology*, 2008, Vol. 15, № 4, p. 349-350.

Другой гипотетической системой может быть система, в которой при наличии механизмов формирования разнообразия и наследования отсутствует механизм отбора. Развитие такой системы следует принципу "всё дозволено". Любые изменения наследуются, и в предельном состоянии разнообразие существ становится настолько большим, что их идентификация с какой-либо системой не имеет смысла. Среда не выдвигает никаких требований и ограничений, так что не имеет также смысла оценивать увеличение сложности единиц с позиции повышения их приспособляемости к окружающей среде.

И, наконец, система, содержащая механизмы формирования разнообразия и отбора, но лишённая механизма наследования. Такая система не запоминает те случайные изменения, которые появились у отдельных особей и способствовали увеличению их эффективности. С течением времени уровень приспособленности единиц не меняется.

Часто в методологических работах, посвящённых эволюционному подходу, поднимается вопрос о случайном характере изменений, который присущ механизму формирования разнообразия в рамках дарвиновского алгоритма биологической эволюции. Экономические системы не мыслимы без человека. При этом человек сознательно принимает те или иные экономические решения исходя из определённой цели, видения результатов собственной деятельности, т.е. деятельность человека является интенциональной. В рамках неоклассической экономической теории используется предпосылка о полноте информации и рациональном поведении, что привело к формированию абстрактной модели "экономического человека". Очевидно, если такой экономический человек обладает всей имеющейся информацией и принимает только рациональные решения, то изменения, которые возникают, не являются случайными, и, конечно, при их позитивной оценке, они обязательно будут воспроизведены. Такой механизм соответствует эволюционной концепции "наследования благоприобретённых признаков" Ламарка.

Рассматривая эту проблему J. Stoelhorst обосновывает, что направленные изменения лишь делают адаптации более вероятными и не противоречат воз-

возможностям обобщения дарвиновского алгоритма и его использования в эволюционной экономике. Кроме того, само предположение о полной осведомлённости и рациональности экономического человека постепенно заменяется концепцией ограниченной рациональности Г. Саймона¹⁴. В реальности человек не является совершенным компьютером, который принимая экономические решения способен учесть все обстоятельства и предвидеть все последствия. Природа механизма обновления в экономических системах "... должна находиться где-то между двумя крайностями случайных изменений и изменений заранее запрограммированных"¹⁵. Так что вопрос о случайной или запрограммированной природе изменений в экономических системах не должен стать неустранимым препятствием для применения метода универсального дарвинизма к исследованию экономических систем.

Несмотря на то, что эволюционная экономика открывает широкие возможности для объяснения долгосрочного развития экономических систем, исследования развития налоговых систем на основе эволюционного подхода пока ещё имеют единичный характер, а полученные результаты фрагментарны.¹⁶ Причина подобного положения дел видится в "зацикленности" на текущих задачах налоговой политики и отсутствии чёткого стратегического видения проблем, понимания того, что единый западный либеральный мир, как и единая неоклассическая теория, не состоялись. Реальность, как всегда, оказалась сложнее. Новый мировой экономический порядок – это, скорее всего, не глобалистское единство, а многополярный мир конкурирующих цивилизаций, продол-

---

¹⁴ Simon H. Altruism and economics // *The American Economic Review*, 1993, Vol. 83, № 2, pp. 156-161.

¹⁵ Stoelhorst J.W. The explanatory logic and ontological commitments of generalized Darwinism // *Journal of Economic Methodology*, 2008, Vol. 15, № 4, p. 351.

¹⁶ Bloomquist B. Tax compliance as an evolutionary coordination game: an agent-based approach // *Public Finance Review*, 2011, Vol. 39, № 1, pp. 25-49; Амосов А.И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние столетия: Закономерности социального и экономического развития. – М.: Издательство ЛКИ, 2009. – С. 229-240.

жающих объединяться вокруг "стержневых стран". И новая экономическая теория – это не неоклассическое единство (неоклассический синтез), а "популяции" взаимосвязанных концепций, конкурирующих за лучшее объяснение одной и той же сферы экономических феноменов (или пересекающихся сфер феноменов) и предсказание сценариев развития событий.

Поиск бывшими социалистическими странами своего места в этом новом мире, включающий в том числе и формирование соответствующих налоговых систем, требует интенсификации исследований, начиная с формирования консенсуса в части концептуализации эволюционного подхода к изучению закономерностей развития налоговых систем.

Концепция эволюционного подхода к исследованию развития налоговых систем может включать следующие основные моменты.

1. Налоговая система рассматривается как динамическая, изменения в которой происходят на кумулятивной основе, приводят к возрастанию её сложности и имеют необратимый характер. Многовековая история развития налогообложения – от натуральных податей до современных налогов, взимаемых в безналичной форме и требующих изощрённого бухгалтерского учёта, публичной отчётности, сложных институтов их подтверждения и проверки, является весомым аргументом в подтверждение того, что налоговая система действительно является такой.

2. Налоговую систему можно представить как "налоговую популяцию", включающую две взаимодействующие субпопуляции: налогоплательщиков (юридических и физических лиц) и налоговых властей. Взаимодействие между ними осуществляется на основе формальных и неформальных правил-институтов. При этом налоговые институты не возникают вдруг, а представляют собой результат многолетней практики, миллиардов повторяющихся взаимодействий налоговых инспекторов, бухгалтеров, предпринимателей, судей и др., происходящих в специфическом цивилизационном, географическом, историческом и культурном окружении.

Если, например, посмотреть на сферу налоговых отношений в Украине, то нетрудно заметить, что ещё двадцать лет назад (в начале 90-х годов XX в.) они были существенно иными. Тогда украинская налоговая популяция характеризовалась тем, что налогоплательщики, обладающие знаниями и навыками работы в условиях планового хозяйства бывшего СССР, только начинали осваивать рыночные отношения и схемы минимизации обязательных платежей, налоговые инспекции не имели опыта проверок, суды – практики решения налоговых споров и т.д., и в целом налоговая система сохраняла "родимые пятна" плановых финансов развитого социализма. Пройдёт ещё двадцать лет и, возможно, налоговые институты опять изменятся так, что нынешнему поколению экономистов их трудно будет узнать.

3. Налоговая система включает механизмы изменчивости (формирования разнообразия), наследования и отбора. Очевидно, что в рамках налоговой популяции все эти механизмы обращены к налоговым институтам, то есть речь должна идти о механизмах возникновения, наследования и отбора этих институтов.

Если ограничиться налоговыми институтами, которые поддерживаются налогоплательщиками-предприятиями, то источником их изменчивости выступает стремление к выживанию за счёт таких действий по уменьшению налоговых платежей, которые считаются приемлемыми в сложившемся культурно-историческом контексте. Принимая предпосылку об ограниченной рациональности, можно сделать вывод, что налогоплательщик будет стремиться уменьшать налоговые платежи до такой величины, когда достигается требуемый в данных обстоятельствах места и времени уровень доходности бизнеса. Использование налогового фактора становится наиболее актуальным, когда другие возможности решения этой задачи исчерпаны и/или связаны с большими издержками, включая транзакционные. В определённой степени такие налоговые инновации являются делом "профессиональной чести" работающих на предприятии специалистов. Причём такие инновации могут быть связаны не только с поиском законных схем оптимизации налогов, но и незаконных способов их

уменьшения. Те схемы, которые оказались эффективными, многократно повторяются, по сути, наследуются, превращаются в налоговые рутины и входят в то, что Р. Нельсон и С. Уинтер обозначили как "процедурную память" данного предприятия¹⁷. Те же, которые не принесли ожидаемых результатов, отбрасываются.

Такая концептуализация исследований на основе эволюционного подхода, делающая, в отличие от неоклассики и институциональной теории, акцент на долгосрочных перспективах и популяционных детерминантах развития налоговых систем, позволяет обосновать пути их развития не как в неоклассике – через условную максимизацию общественного благосостояния, зависящего от полезностей идентичных, рациональных и полностью осведомлённых субъектов, а через модели взаимодействия различных (эгоистических, альтруистических), ограниченно рациональных и ограниченно информированных субъектов, способных к обучению и передаче наследственной информации через гены на биологическом уровне, мемы (memes), привычки (habits) и рутины (routines) – на социальном уровне)¹⁸. Инструментарий такой эволюционной динамики теперь интенсивно развивается¹⁹. Это является важным шагом на пути формирования эволюционной налоговой парадигмы и получения на её основе значимых научных результатов для обоснования долгосрочных стратегий и надёжных методов регулирования развития национальных налоговых систем.

---

¹⁷ Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. – М.: Дело, 2002, с. 138-188.

¹⁸ Hodgson G. The Mystery of the Routine. The Darwinian Destiny Of An Evolutionary Theory of Economic Change / G. Hodgson // *Revue économique*, 2003, Vol. 54, № 2, p. 379.

¹⁹ Safarzynrska K., Van den Bergh J. C. J. M. Evolutionary models in economics: a survey of methods and building blocks // *Journal of Evolutionary Economics*, 2010, Vol. 20, № 3, pp. 329-373.

Литература

1. Paying Taxes 2009. The global picture. – PricewaterhouseCoopers and the World Bank Group, 2008 – 98 p.
2. Paying Taxes 2010. The global picture. – PricewaterhouseCoopers and the World Bank Group, 2009 – 115 p.
3. Paying Taxes 2011. The global picture. – PricewaterhouseCoopers and the World Bank Group, 2010. – 100 p.
4. Дементьев В. Что мы исследуем, когда исследуем институты? // Terra Economicus. – 2009. – Т. 7. – № 1. – С. 13-30.
5. Даймонд Дж. Ружья, микробы и сталь: Судьбы человеческих обществ. – М.: АСТ:АСТ МОСКВА: CORPUS. – 2010. – 604 с.
6. Steinmo S. Taxation and democracy: Swedish, British, and American approaches to financing the modern state. – New Haven, CT: Yale University Press, 1993. – 280 p.
7. Steinmo S., Tolbert C. Do institutions really matter? Taxation in industrialized democracies // Comparative Political Studies. – 1998. – Vol. 31. – № 2. – P. 165-187.
8. Вишневская Е.Н. К вопросу о классификации моделей экономических систем стран мира // Научные труды Донецкого национального технического университета. Серия: экономическая. 2011. – Вып. 39-1. – С. 34-42.
9. Witt U. What is specific about evolutionary economics? // Journal of Evolutionary Economics. – 2008. – Vol. 18. – № 5. – P. 547-575.
10. Вишневский В.П. Принципы налогообложения: обоснование и эмпирическая проверка // Экономика Украины. – 2008. – № 10. – С. 55-72.
11. Wilson D.S., Wilson E.O. Rethinking the Theoretical Foundation of Sociobiology // The Quarterly Review of Biology. – 2007. – Vol.82. – №4. – P. 327-348.
12. Aldrich H., Hodgson G., Hull D., Knudsen T., Mokyr J., Vanberg V. In defence of generalized Darwinism // Journal of Evolutionary Economics. – 2008. – Vol. 18. – P. 577-596.

13. Stoelhorst J.W. The explanatory logic and ontological commitments of generalized Darwinism // *Journal of Economic Methodology*. – 2008. – Vol. 15. – №4. – Pp. 343-363.
14. Simon H. Altruism and economics // *The American Economic Review*. – 1993. – Vol. 83. – № 2. – Pp. 156-161.
15. Bloomquist B. Tax compliance as an evolutionary coordination game: an agent-based approach // *Public Finance Review*. -2011. – Vol. 39. – № 1. – Pp. 25-49.
16. Амосов А.И. Последствия сверхускорения эволюции экономики и общества в последние столетия: Закономерности социального и экономического развития. – М.: Издательство ЛКИ, 2009. – 312 с.
17. Нельсон Р., Уинтер С. Эволюционная теория экономических изменений. – М.: Дело, 2002. – 536 с.
18. Hodgson G. The Mystery of the Routine. The Darwinian Destiny Of An Evolutionary Theory of Economic Change / G. Hodgson // *Revue économique*, 2003. – Vol. 54. – № 2. – Pp. 355-384.
19. Safarzynrska K., Van den Bergh J. C. J. M. Evolutionary models in economics: a survey of methods and building blocks // *Journal of Evolutionary Economics*, 2010, Vol. 20, № 3, pp. 329-373.